

Дондеже есмь.

I

О чём, скажите на милость, может думать человек накануне Светлого Христова Воскресения? Андрей Соболев, преподаватель хорового класса и регент Нефтеозёрского Свято-Преображенского храма думал о мироустройстве. Мысли текли примерно в таком направлении: «Если иерархию, как основу мироустройства, создал сам Творец, то над руководителями среднего звена работал Денница-Люцифер – будущий падший ангел. А иначе как можно объяснить сочетание почти в каждом представителе этого невымирающего чиновничьего племени величайших амбиций и неспособности элементарно и разумно что-либо организовывать?». Такой ход мысли имел определённые основания - Великая суббота 1999 года, «молитвами» директора детской школы искусств, несла с собой Андрею великие трудности.

Во-первых, и без того, наполненный сложнейшими богослужениями день, каждый год сам по себе уже являлся испытанием. Посудите, предпраздничная служба, объединившая «часы» с паремиями, вечерню и Литургию, с раннего утра забирала много сил, времени и, как водится у церковных регентов, нервов. А ведь впереди Пасха – даже для опытного хора, самый сложный праздник годового богослужебного круга.

Во-вторых, накануне пасхальной ночи регент (он же и преподаватель хорового класса в ДШИ) вынужден был выводить на сцену только-только научившихся вокальному дыханию и элементарному звукоизвлечению, но ещё неуверенно интонирующих малышей – первоклассников вновь созданного хорового отделения. Одна беда бы просто на сцену, а то ведь детей ожидала конкурсная борьба, в которую их вместе с учителем бросило неуёмное желание директора «пропиарить» на окружном заочном конкурсе детских хоров недавно открытую школу. И всё бы было ничего, но тут возникало ещё одно обстоятельство – церковный хор, как и детская школа искусств, тоже существовал первый год. Пасхальное богослужение, во время которого всё произносимое в храме только поётся, было настоящим экзаменом, как для недавно состоявшихся певчих, так и для руководителя, собравшего их в церковный хор.

Нужно сказать, что уже не в первый раз на протяжении последних лет, жизнь преподносила Андрею сплошные «сюрпризы». Второй год он эту самую жизнь пытался начать с начала, покинув просамостийненную до маразма Украину и переехав с семьёй на Крайний Север. Это была не первая попытка обосноваться в Полярных широтах. Ещё в советские времена Андрей и его молодая жена Ирина вместо свадебного путешествия отправились работать в Якутию. Решение о переезде принимали быстро, так как уже во всю пылал черныбыльский реактор, посылая невидимые и от того ещё более страшные смертельные «подарки» в украинские, русские, белорусские и даже шведские города и сёла.

Северной романтики молодожёны получили сполна – топили печь, резали на озере лёд для получения питьевой воды, учили музыке плохо знающих русский язык якутских ребятишек. И всё было, как говорится, по плечу. А зимние якутские вечера! Вымыв в тазике посуду, перестирыв «изукрашенные» сынишкой ползунки и пелёнки и вынеся из дому использованную воду, молодые учителя часто ещё и читали

вслух, так как телеканально-развлекательное изобилие ещё не наступило, а преподавателям-музыкантам хотелось не просто развлечений, но пищи духовной...

Наверное, так бы и остались в суровом, но денежно прибыльном краю, однако через четыре года «якутской эпопеи» потянуло домой. Подрастал первенец Алёшка, а главное, Андрею, недавно крестившемуся, очень захотелось окунуться в мир богослужебной музыки. Церковь русская в тот перестроечный период, казалось, ещё не верила, что пришло второе Крещение Руси, и робко пыталась вернуть хотя бы часть храмов, превращённых в склады, конторы или в лучшем случае, в музеи. На огромной территории Якутской автономии верующие окормлялись лишь в нескольких действующих приходах, находящихся в крупных городах, имеющих дореволюционную историю. Вот и отправилась молодая семья на родину в Чернигов, где уже восстанавливался заботами Архиепископа Антония величественный Троицкий собор. Обретая статус кафедрального, «Троица» нуждалась в большом количестве священников и увеличении хора, без которого и представить Православное богослужение невозможно. Андрей загодя прошёл прослушивание и, получив «добро» у пожилой регентши на поступление в хор, только и мечтал о трогательно торжественных всенощных, величественных литургиях и других богослужениях, о которых он, неофит, имел тогда довольно смутное представление. Что же, узнав изнутри церковную жизнь, новоиспечённый певчий архиерейского хора лишь утвердился в своём желании «работати Господеви». Нет, конечно же, церковным пением дело не ограничилось. Не может музыкант в этом мире обойтись лишь одним местом работы. Хор Свято-Троицкого храма был, как говорится, для души, а основным, записанным в трудовой книжке, местом работы стало Черниговское музыкальное училище. То самое учебное заведение, которое заканчивал Андрей восемь лет назад и куда его, теперь уже выпускника Одесской консерватории охотно взяли работать на хоровое отделение. Так во второй раз Андрею пришлось почти начинать жизнь заново. «С нуля», но не безуспешно! Уже через год стали понятны принципы структуры основных богослужений, и Андрей стал подумывать о том, чтобы самому стать к регентскому пульта. Да и в «музылице», как по старой студенческой традиции называли старейшее в городе музыкальное учебное заведение, дела «пошли в гору» - появились первые ученики-дирижёры, а в «нагрузке» ещё и часы по хороведению и сольфеджио. В общем, стал вчерашний студент-заочник молодым, перспективным кадром.

Опыт начала работы «с нуля», кстати, очень пригодился после исхода из украинской петлюровско-бандеровской самостийности. Андрей брался за любую, даже ранее незнакомую, работу и, трезво оценивая свой довольно скромный творческий потенциал, методично осваивал новое для себя дело, будь то работа с детским хором, конференс или преподавание вокала...

II

К вечеру потеплело, и пошёл снег. Казалось, что уходящая зима, как будто извиняясь за жестокие январские морозы и февральские ветра, готовила город к Светлому Празднику. Словно на службе Великой субботы великопостное облачение почерневшего от грязи и солнца городского покрова менялось на белоснежное праздничное убранство. Нефтеозёрск притих в ожидании пасхальной полуночи...

Кое-как отдохнув после трёхчасовой службы и полноценного рабочего дня, ощущая себя чуть ли не Иовом Многострадальным, Андрей отправился в

единственный городской дом культуры, называвшийся по иронии судьбы «Украина». Да, малая Родина и не думала уходить из жизни музыканта-эмигранта, напоминая о себе и названием ДК, и украинской речью на улицах. Оказывается город, ставший новым пристанищем семьи Соболевых возводило странное, возможное только в эпоху советского промышленного освоения Сибири, стройуправление – «Укртюменьжилстрой». Этим объяснялось и необычное для России название очага культуры, и обилие специфических фамилий среди жителей Нефтеозёрска, и название одной из улиц, увековечивших ударный труд земляков. «Улица украинских строителей» была не самой большой и отнюдь не центральной, и всё-таки была, напоминая о тех временах, когда слова «Украина» и «заграница» были из разных словарей...

В фойе первого этажа центра культурной жизни города уже собирались дети – ученики Андрея. Как водится среди учащейся детворы, стоял шум. Мальчишки, ещё не умея цивилизованно выражать свои симпатии, задирали девчонок. Те в ответ давали сдачи, и, казалось, никто не думал ни о точном интонировании, ни о знании текста, ни о правильном звуковедении. «Здравствуйте, дети» - громогласно, как он, наверное, один в ДШИ умел, приветствовал учеников Андрей. «Готовы ударить песней по бездорожью и разгильдяйству?», выдавливая из себя веселье, спросил учитель, проходя сквозь толпу притихших хористов. И следом, поднявшись на несколько ступеней лестницы, ведущей на второй этаж, он как с трибуны, объявил, что распеваться хор будет в верхнем фойе. Конечно же, распевку требовалось проводить в помещении с фортепиано, но единственный танцкласс, имеющий инструмент, уже был занят конкурентами – хоровыми коллективами музыкальной школы, находившейся буквально в двух шагах от «Украины». Кстати, именно желание городского руководства максимально заполнить досуг детей занятиями в кружках, студиях, спортивных секциях и так называемых учреждениях дополнительного образования дало шанс семье Соболевых пустить корни на севере России. Андрей часто вспоминал первые страницы, зачитанного в юности до дыр, романа Ильфа и Петрова. Аналогия напрашивалась сама собой. В небольшом, всего на тридцать шесть тысяч жителей, северном городе Нефтеозёрске, как и в «городе N», описанном дуэтом советских сатириков, человек, казалось, рождался лишь для того, чтобы поступить в одну из четырёх школ – художественную, спортивную, музыкальную или школу искусств. А так же пополнить ряды воспитанников многочисленных творческих кружков – от технических до танцевальных и вокальных. Дети при такой постановке дела самореализовывались на всю катушку, а вот педагоги, тренеры и преподаватели напоминали не очень удачливых охотников, униженно предлагающих потенциальным улановым, рихтерам, репиным и валуевым стать именно их «трофеями» на особых почётных условиях...

Андрей, словно командир перед боем, осмотрел свой «личный состав». Хор представлял собой собрание поющих, но ещё не очень умеющих извлекать вокальные звуки, детей разных национальностей. По идее, такой хор должен был не петь песенки о котёнке с апельсином или о ёжике и бычке, а сразу грянуть «Интернационал», подтверждая уже только одним своим внешним видом идею братства всех трудящихся Земли. Русские, татарские, башкирские, азербайджанские, аварские и лезгинские ребята были полны желанием выйти на сцену и даже стать лауреатами. «А ведь многие из них даже ещё не понимают, что хор попросту не сложился – нет пока ни ансамбля, ни строя» - подумал руководитель и со вздохом достал камертон, начиная распевку.

Камертон у Андрея был необычный. Сделанный кустарным способом из самолётного винта, он и размерами и силой звука отличался от своих фабричных собратьев. Этот незамысловатый прибор в руках Соболева напоминал маршальский жезл и служил хормейстеру вот уже почти двадцать лет. Естественно, что стал необычный камертон своеобразным талисманом, приносящим удачу. Но главное, символом, вселяющем уверенность в успех любого начинаемого дела. Дети, привыкшие распеваться в сопровождении фортепиано, как зачарованные следили за необычным предметом в руке учителя и поначалу пели упражнения неуверенно, как бы с оглядкой. Пришлось и Андрею в полный голос петь все эти «ми-мэ-ма-мо-му» и «диги-диги-дай», рассчитывая на то, что хор, словно рота, увлекаемая командиром, поднимется в атаку, оглашая поле битвы мощным «ура», обретая несокрушимую силу объединённых единой волей людей. Так и вышло. К окончанию распевки перед хормейстером стояла не толпа растерянных ребятишек, а, может быть и ещё не очень стройный, но хор, послушный воле дирижёра. Наскоро повторив самые сложные фрагменты репертуара, Андрей повёл детей за кулисы. Конкурс начинался...

III

Зрителей в зале было немного. Да и кто, скажите, накануне Светлого праздника отправится смотреть состязание детских хоровых коллективов? Только родители и ближайшие родственники поющих детей. Погас свет, и огни рампы осветили занавес. Словно насмешка, в полупустом зале прозвучали фанфарные позывные и на открывшейся сцене появился ведущий мероприятия. Оглядев сиротски заполненный зал, неестественно бодрым голосом он приветствовал немногочисленных зрителей и стал представлять собравшимся жюри. Судить детские хоровые выступления предстояло двум хореографам и двум баянистам. А вот председательствовал в жюри приглашённый из соседнего города Александр Фомин – создатель и руководитель хорового отделения в ДШИ соседнего города - Ноябрьска. Вот уже десять лет он буквально по крупицам собирал большой детский хор, мучительно возвращая в тайге хоровое искусство, такое привычное для советских людей и совершенно лишнее и неприемлемое для «поколения пепси», чьи музыкальные вкусы формировались в постперестроечные годы бесконечной когортой аллегрowych и газмановых. Присутствие Фомина Андрея обрадовало. Первый год на Севере был проведён в Ноябрьске, где они с Александром Кирилловичем работали вместе в школе искусств и относились друг к другу с симпатией и уважением людей, делающих тяжёлую, но необходимую работу.

Тяжёлая, но необходимая работа всегда была частью жизни Андрея Соболева. Ещё в бытность свою студентом музыкального училища он, не получивший начального музыкального образования, настойчиво и мучительно догонял однокурсников в классе сольфеджио и фортепиано. А полифония в консерватории? Это было стопроцентное воплощение лозунга: «Ни дня без строчки»! На задания консерваторский педагог не скупился. Каноны и мотеты, фуги, в том числе и двойные, требовали каждодневной кропотливой работы и переделок. А, став преподавателем на хоровом отделении родного училища, Андрей часами готовился к занятиям по сольфеджио, выучивая им самим заданные одноголосные и двухголосные номера и отработывая гармонические последовательности (здесь особенно нельзя было ударить «в грязь лицом»). А ведь ещё были бесконечные часы, проведённые за переписыванием и расписыванием по партиям церковных песнопений. Даже прогуливаясь со спящей в коляске маленькой дочерью, болея за расширение обихода

возглавляемого им хора, регент Соболев, найдя тихий уголок в саду бывшего обкома КПСС, мысленно благодаря «плохих» коммунистов за выращенный сад и примостив специально заготовленную дощечку на бордюр, ровно полтора часа, пока спала Настя, писал партитуры и «поголосники»...

Старшая группа детского хора конкурирующей организации, то есть музыкальной школы, закончила своё выступление. Настала очередь Андрея выводить своих воспитанников на большую и по своим акустическим характеристикам почти «глухую» сцену. Дети, чувствуя ответственность выступления и преодолевая вполне естественный страх, быстро и, как никогда, организованно выстроились в два ряда. Улыбнувшись ученикам, хормейстер дал первый афтакт. Не желая подвести учителя, новоиспечённые хористы старательно выводили мелодии исполняемых песенок. Правда, старательно не всегда означает правильно. Слишком мало ещё ребяташки «варились» в хоровом котле, оставаясь всё ещё хористиками, а не певцами хора. Понимая, что выступление явно проваливалось, Соболев, тем не менее, «делал хорошую мину», компенсируя яркими дирижёрскими жестами неважную интонацию своих учеников. Концертмейстер хора Ирина Александровна, словно пулемётчик при преодолении проходов в минных полях, тоже старалась «прикрыть» детскую фальшь, выжимая из чешского пианино с русской фамилией всю возможную мощь.

Наконец выступление закончилось. Улыбаясь неживой сценической улыбкой, Соболев проводил учеников за кулисы. На освободившуюся сцену ринулся младший хор ДМШ. «Ребята, всё было хорошо! Вы очень старались. Всем спасибо!» - сказал учитель окружившим его детям. «Можете тихонько спуститься в зал и слушать остальные выступления» - продолжил Андрей и устало присел на очень кстати подвернувшийся за сценой стул.

Конкурс катился к завершению. Особенность данного творческого состязания заключалась в том, что хоровые коллективы боролись за право отправить видеозапись своего выступления на заключительный этап в окружную столицу. Именно там и решалось, кто займёт призовые места. Естественно, что соболевским детям не светило даже участие в финале. Сам бы он никогда не выставил, вернее не подставил своих учеников на первом году обучения, но директор школы – «люциферово семя», будучи женщиной амбициозной и болезненно самолюбивой, вынудила только приступившего к настоящей хоровой работе учителя, к этому прилюдному унижению. Да и не мог Андрей ей отказать. Взяв на работу двух «хохлов» без российского гражданства, Кира Лазаревна Старченко очень рисковала. И, так или иначе, проявить неблагодарность, означало для семьи Соболевых «потерю лица». В общем, положение было безвыходным. А если изнасилование неизбежно, как говаривала одна из однокурсниц, переживающего сегодня хоровой крах учителя, то нечего терять силы на сопротивление – расслабься и кайфуй! Андрей и стал кайфовать, тем более что Фомин, как Председатель жюри, сказав полагающиеся в таких случаях слова, вывел на сцену свой детский хор. Это был настоящий подарок! И репертуар коллектива, учитывая окончание Страстной седмицы, был мудро составлен исключительно из песнопений Великого Четверга и Великой субботы. Этот концерт стал настоящей компенсацией и за вынужденное унижение и за усталость перед пасхальной ночью...

Всё закончилось в полдесятого вечера. Организаторы конкурса, часть педагогов-участников и несколько членов жюри по давно установившейся ещё с советских времён традиции отправились «вспрыснуть» проведённое мероприятие. Соболев же, к большому неудовольствию директора, игнорировал «сабантуй». Без четверти одиннадцать Андрей должен был собирать певчих в храме. Позже можно было

просто не пройти внутрь, так как прихожане и просто любопытствующие заполняли внутреннее и околоцерковное пространство с плотностью, превышающей четыре человека на один квадратный метр. Времени для отдыха не оставалось. Не снимая концертного костюма, взяв с собой необходимые ноты, прихваченные накануне пюпитры и «пасхальный набор» продуктов для освящения, регент отправился в храм. Следом спешила на службу и жена Иришка – одна из певчих альтовой партии.

IV

В церкви царило торжественно-тихое ожидание Светлого Праздника. Ещё не нахлынула толпа «захожан» и зевак, поэтому никто не шумел, и пройти на клирос можно было, не работая локтями. Храм в городе строился в основном на бюджетные деньги. Строительство двигалось рывками и к Пасхе девяносто девятого года оставались ещё не выполненными отделочные работы. Богослужения по этому проводились в малом храме – приспособленном помещении на окраине, но на Рождество и Пасху православные перемещались в недостроенную церковь, находящуюся в центре города. Сняв старую, служившую ещё с Якутского Севера, подбитую цигейкой куртку и собрав прихваченные в школе пюпитры, Андрей принялся раскладывать по партиям ноты. Сверяясь со специально подготовленной схемой, он быстро выкладывал в обратном порядке весь пасхальный обиход. Это были в основном рукописные ноты, привезённые сюда на Ямал в прямом смысле «на горбу», то есть в большом рюкзаке. Поскольку вес этого багажа достигал почти тридцати пяти килограмм, Андрей, шутя, говорил, что внёс весомый вклад в становление церковного пения в Западной Сибири.

По исписанным нотными иероглифами листкам и тетрадочкам с песнопениями можно было составить творческую биографию регента Соболева. Здесь были и написанные в девяносто втором году, уже пожелтевшие, стихиры Пасхи, и относительно новые, но уже основательно затёртые тропари «Христос воскрес», и, конечно же, пасхальный канон, распечатанный на древних огромных, как вымершие динозавры, копировальных агрегатах черниговского Центра научно-технической информации (ЦНТИ). Андрею казалось, что из старых нот до сих пор не выветрился запах краски, с которым ассоциировалось начало его регентского пути. Да, именно краской, а не благовонным ладаном пахло на первых службах в возвращённом и в рекордные сроки восстановленном черниговском Свято-Казанском храме. Там, в приснопамятном девяносто втором, и началось воплощение давней мечты – самостоятельного создания церковного хора. И не просто хора, а своеобразной творческой лаборатории. Каким же нужно было быть идеалистом, возмечтав о таком! Правда, жизнь быстро внесла свои коррективы, заставляя решать в основном тактические, а не стратегические проблемы...

Храм, освящённый в честь Казанской иконы Божьей Матери, на самом деле был небольшой церквушкой по соседству с музеем украинского писателя-интеллекта Михаила Коцюбинского, находящегося в старом, одноэтажно-деревянном районе Чернигова. Сотрудники музея, чем могли, помогали новому городскому приходу, как бы замаливая грехи. Дело в том, что пятьдесят лет они доказывали, что Коцюбинский на итальянском острове Капри встречался с Лениным, а теперь, в новых исторических реалиях с неменьшим жаром начали доказывать обратное. Доказывать-то они доказывали, но музейная совесть не дремала и многие из научных сотрудников музея были частыми гостями в церкви и помогали в

благоустройстве территории вокруг. Казанский храм в Чернигове поэтапно прошёл все круги воинственно-атеистического ада, успев побывать и складом, и филармоническим общежитием, и, даже, дискотекой. Владыка Антоний благословил на приход молодого, энергичного, недавно рукоположенного священника. Был отец Николай в прошлом спортсменом, стать имел богатырскую, и происходил из большого села Вишенки – родового имения графа Румянцева-Задунайского. Видимо не одна дивчина пользовалась расположением красавца графа, героя русско-турецкой кампании, потому что жители Вишенки и на излёте двадцатого столетия были как-то невообразимо куртуазно красивы, словно вельможи с парадных портретов екатерининской эпохи. Отец Николай тоже был чудо как хорош собой...

Любая стройка, особенно церковная, требует немалых денег. Пришлось молодому настоятелю освоить роль униженного просителя. Нужно сказать, что красавцу-священнику не было равных в этом амплуа. Многих потенциальных спонсоров-дарителей очаровал отец Николай, располагая к себе кого импозантной внешностью, кого задушевной беседой, а кого и любовью к творчеству популярного певца и автора многих остросоциальных песен Игоря Талькова. В помощники батюшке был определён диакон Анатолий – личность в черниговской епархии легендарная. Он являл собой тип праведника, без которого, как известно, село на Руси не стоит. Как всякий человек беззаветно преданный Правде, диакон одно время был гоним и даже запрещён в служении. Потом тучи над головой правдолюбца рассеялись, а интриганы, чьими «молитвами» священнослужитель попал в немилость, были посрамлены. В церковных кругах Черниговщины эта история имела, как говорится, большой резонанс и наложила на округлое, обрамлённое светлой лёгкой бородкой лицо диакона неизгладимую печать сурового ожидания неприятностей и готовности пострадать за Правду. А ещё был отец Анатолий настоящим художником и мастером на все руки. Расписанные им храмы, можно было найти не только в Чернигове и области, но и далеко за её пределами. Да, не ошибся правящий архиерей с назначениями - храм возрождался прямо на глазах. Освятить престол решили на Вербное Воскресенье девяносто второго года и для полного «боевого комплекта» недоставало только хора. Так уж вышло, что именно Андрея Соболева, благодаря рекомендации старого приятеля, просил настоятель «Казанки» решить эту проблему и собрать хор «не только из поющих, но и из верующих людей». Непременным условием отца Николая было обязательное венчание семейных хористов и, конечно же, полное воцерковление. Андрей начал с себя и спустя месяц обвенчался с женой.

Да, непростой это был месяц. Ссоры в любой семье неизбежны, особенно, как говорится, на начальном этапе совместной жизни. Что греха таить, ссорились и Андрей с Ириной. Размолвки были не частыми, но от души. Примирение приходило мучительно, с трудом. В диком якутском крае было всё проще. «Закон – тайга, медведь – хозяин» - попробуй-ка демонстративно хлопнуть дверью, когда до всепонимающей мамы или близкой подруги восемь тысяч километров, а на улице минус пятьдесят! А поскольку с мебелью в северных регионах СССР была «напряжёнка», то к ночи поссорившиеся супруги неминуемо оказывались в одной постели, и примирение было просто «делом техники». Другое дело в Чернигове. Тут уж пришлось заключать своеобразный пакт о непокидании семьи...

Так что был у Соболевых опыт преодоления трудностей совместной жизни, но в течении месяца, предшествовавшего венчанию, эти накопленные знания о выстраивании отношений оказались мизерными. Создавалось впечатление, что кто-то специально сеял семена раздражения, бесконечных претензий и злости в сердцах

Ирины и Андрея. Семейные отношения выяснялись, чуть ли не каждый день. Само венчание уже было под вопросом, но характер у супругов оказался твёрдым и, как полагается, поговев, Андрей и Ирина стали под венцы. Венчание словно омыло их брак освящённой водой, очистив от бесконечной борьбы за лидерство. Отношения приобрели новое качество, и ранее порывистый, словно факел на ветру, и порой обжигающий огонь любви стал сиять мощно и ровно. Следом за Андреем и Ириной через таинство брака прошли и хорошие друзья семьи, бывшие однокурсники Соболева, тенор и альт будущего хора - Санечка и Манечка Тарабукины.

Вообще-то собрать пусть и небольшой хор в городе, где уже есть три действующих храма, было нелегко. Все профессионалы были при деле, и рассчитывать можно было лишь на просто музыкально грамотных людей, обучая их премудростям вокальной техники буквально на ходу. Сопрано, тенор, альт и бас – вот те четыре колеса, без которых не двинется с места хоровой экипаж. В басовой партии, начиная с музучилищного хора, пел сам новоиспечённый регент, теноровую и альтовую партии по планам Андрея должны были исполнять бывшие однокурсники, получившие, правда, образование, как инструменталисты-народники. В сопрановую партию отец Анатолий определил своё духовное чадо – десятиклассницу Верочку, мечтающую о поступлении в регентский класс Черниговского духовного училища. Она недавно окончила музыкальную школу, обладала прекрасным музыкальным слухом и лихо читала с листа довольно сложные партии. Конечно же, четыре человека ещё не хор, но Андрей надеялся, что этот костяк постепенно обростёт вокально-хоровыми мышцами. А пока, не дожидаясь, как говорят спортсмены, «набора массы», приступили к репетициям. Собирались на спевки в квартире Верочки, благо дом, где жила она с матерью и младшим братишкой, был послевоенной, сталинской постройки с большими комнатами, толстыми стенами и высоченными потолками. Мать юной певчей, вслед за недоумевающими соседями шутя, называла собиравшихся через день по вечерам хористов «подпольщиками». Действительно, что-то было в этом «хоровом подполье» похожее на ситуации из книг серии «Пламенные революционеры». Сходства добавляло и то обстоятельство, что на своих собраниях «подпольщики» пели. Ну, прямо кадры из фильма «Собачье сердце»! Шутки шутками, но работа велась весьма серьёзная. Учились чистейшему горизонтально-вертикальному хоровому интонированию, по полчаса исполняя фирменные одесские упражнения, освоенные Андреем в консерватории. Занимались фразировкой и осваивали премудрости церковно-славянского языка. Руководитель небольшого коллектива включал обаяние на всю катушку, изображая дирижёра-интеллектуала, и, что примечательно, согласно методу Станиславского, действительно становился им. Это позже, с началом богослужебной практики, появится в его взгляде и жестах, столь необходимая хормейстеру, жёсткость и воля, сами собой придут хлёсткие словечки, словно кнут, заставляющие певчих с утроенным вниманием следить за порядком песнопений на службе. А пока, людей необходимо было очаровать, сплотив в «коллектив единомышленников», готовый идти за регентом на преодоление любых трудностей. И с божьей помощью всё получалось! Как говорится, глаза боялись, а руки делали...

V

«На Бога надейся, а сам не плошай!». В мудрости этой русской пословицы Андрей убеждался не раз. Всевышний – это не джин из сказки. Он никогда не делает работу вместо человека, но всегда помогает в делах праведных. Как бы не просил

Андрей небесного покровительства, помощь свыше приходила только с началом самостоятельной работы. Стоило начать труды, и сразу же ощущалась божественная поддержка, действительно чудом решавшая проблемы, устраивавшая нужные встречи и приносящая успех в богоугодных начинаниях. Здесь, на Севере, церковный хор собрался подобно апостолам в день Пятидесятницы - чудом. Действительно, в один год в небольшой нефтяной городок приехали в поисках заработка сразу несколько не только профессионально поющих, но и имеющих опыт церковного служения музыкантов. Были они все «одного призыва», то есть попали в город на Ямале по приглашению директора только открывшейся школы искусств.

Кира Лазаревна Старченко организовывала уже не первую школу в Нефтеозёрске. Пятнадцать лет назад, когда город ещё только-только строился, она смогла в буквальном смысле дать жизнь детской музыкальной школе. ДМШ появилась действительно на пустом месте. Не было ничего – ни музыкальных инструментов, ни учебников. Однако времена были удивительные, когда все проблемы, словно по волшебству, могли быть устранены даже не советской властью, а нефтяниками, которые и были в эпоху промышленного освоения Западной Сибири настоящими властителями судеб в этом краю. Вновь назначенный директор ещё пока несуществующей школы буквально выплакала в приёмных всемогущих нефтяных начальников первые пианино и помещение для занятий. С этого «мала ключика» и выросла «музыкалка» - гордость и боль Киры Лазаревны. Поводов для гордости было предостаточно. Очень скоро и здание, и материальная база, и штатное расписание были, вполне «на уровне». А ещё смогли преподаватели собраться в настоящий творческий коллектив – оркестр русских народных инструментов, организованный педагогом-баянистом выпускником Гнесинского института. Оркестром Старченко особенно гордилась. Она считала его своим детищем. Но по иронии судьбы именно отрада директорского сердца и стала болью души опытного руководителя. Там, в оркестре, под управлением дирижёра и созрела идея дворцового переворота. Нужно сказать, что Кира Лазаревна, при внешней мягкости и демократичности стиля управления, была настоящим тираном. Неплохой психолог, она легко находила у каждого подчинённого слабые места и болевые точки, что и позволяло ей безнаказанно манипулировать людьми и судьбами. Однако любой тиран должен понимать, что власть его, в глазах подданных, хоть и неизбежна, но ненавистна. Видимо этого понимания у Старченко и не было. А недовольство в коллективе зрело давно. Когда же начался в стране «разгул демократии», недовольные быстро организовались и на альтернативной основе избрали нового директора. Им, разумеется, стал дирижёр и художественный руководитель оркестра русских народных инструментов. Думал ли Ельцин, что его предвыборный бренд «Берите независимости столько, сколько сможете» возьмут на вооружение не только в мятежной Чечне, но и в малых и больших педагогических коллективах?

Оставшись без трона, Кира Лазаревна не стала бороться с фрондой, а избрала другой путь. Она сумела доказать руководству города, что одной музыкальной школы недостаточно для творческого всеобуча юных нефтеозёрцев. И, о чудо! Было принято решение об открытии в городе школы искусств. Немного поколебавшись, руководство поручило возглавить новое учебное заведение именно низверженному директору. Вот и появились в управлении культуры свободные педагогические вакансии, которые не смогли полностью заполнить примкнувшие к непотопляемой Кире Лазаревне немногочисленные соратники из ДМШ.

Создавая новый коллектив, Старченко не только решала тактические задачи, но и выстраивала стратегическую перспективу. Если творческой «фишкой» музыкальной школы был педагогический оркестр, то сейчас она задумала собрать в ДШИ хор учителей. Руководителем должен был стать Андрей Соболев. Приехав в Нефтеозёрск, он в течении двух неполных недель смог собрать смешанный вокальный ансамбль (по идее директора – основу будущего хора). Эта новорожденная творческая единица сходу вписалась в культурную жизнь городка, радуя многочисленных зрителей в День нефтяника выступлениями на трёх сценических площадках. Однако, воплощая в жизнь директорские планы, Андрей конечный результат видел несколько иначе. Не зря же он тащил за три тысячи километров многокиллограмовый богослужебно-обиходный нотный груз. Главной целью Соболева было создание не педагогического, а церковного хора. Нет, если при этом можно было собрать певческий коллектив учителей, то, как говорится, «ради Бога, не вижу препятствий»! Однако в дальнейшем время показало, что цели директора и приезжего хормейстера кардинально не совпадали. А пока, как уже говорилось, чудом, в одной школе оказались и лирическое сопрано Ольга Мальцева – новая скрипачка, и баритон-тенор Дима Дун – молодой преподаватель эстрадного фортепиано, и роскошное, правда, прошедшее мимо нотной грамоты, меццо-сопрано Ира Якубовская – будущий руководитель ещё не существующего театрального отделения. Присоединив к ним музыканта-теоретика Нелли Николаевну, свою жену и недавно приехавшего духовика Александра Файзулловича Абдуллина, Андрей быстро выучил с вновь созданным коллективом два разнохарактерных произведения и, в сопровождении, написанных Димой, фонограмм - «минусовок», ансамбль ринулся покорять главную сцену города в ДК «Украина». В течении месяца репертуар вырос до пяти песен и романсов. Тогда уже ребята «засветились» не только на большой сцене, но и на руководящих банкетах, как бы убеждая Главу города и его замов в правильности и своевременности создания школы искусств именно под руководством нынешнего директора – наимудрейшей Киры Лазаревны.

Спустя некоторое время новая творческая единица стала чем-то привычным и само собой разумеющимся. Положенных процентов за деятельность непредусмотренную должностными обязанностями почему-то ребятам не платили, и Андрей начал «перековку» эстрадного ансамбля в церковный хор. Не сразу, но неотвратимо новое амплуа ансамбля отсеяло людей равнодушных к Вере. Саша Абдуллин объяснил, что ещё не определился с конфессией, а Нелли Николаевна сослалась на нехватку свободного времени. Зато стала ходить на спевки Света Шишкина. Именно она, скромный лаборант первой средней школы, несколько лет тому назад взвалила на свои плечи неподъёмную тяжесть и ответственность богослужебного пения в Нефтеозёрске. Пели женщины из общины – нефтяники, юристы и медработники. Музыкальной грамотой владела только Светлана и по этому вынуждена была «натаскивать» своих певчих с голоса. Каторжный труд! Понимая, какое облегчение ей несёт создание нового хора, в буквальном смысле замученная регентской работой молодая женщина с радостью влилась в альтовую партию. Андрея это обстоятельство очень обрадовало. У новой певчей было хоть и неоконченное, но специальное хоровое образование, а так же наличествовал нелёгкий, но драгоценный опыт богослужебного пения. находка, а не человек!

Репетиции, как и в Чернигове, носили полуподпольный характер. Собирались по вечерам в школе, плотно прикрыв двери класса. Что-то заставляло руководителя не афишировать эту свою деятельность. Шестое чувство, что ли? Видимо уже тогда смог

Андрей почувствовать главную черту в характере Старченко – ревность к успехам своих подчинённых на «чужом поле». По этому и скрывал «переквалификацию» ансамбля.

VI

За подготовкой к службе время пролетело незаметно. Когда все ноты были разложены, стрелки, специально поставленного на подоконник, будильника показывали без четверти одиннадцать. Стали собираться певчие, проявляя удивительную, объяснимую только серьёзностью момента, дисциплинированность. Настроение у всех было приподнятое, но регент знал - праздник в церковном хоре наступает только с окончанием богослужения. Это Андрей за годы работы усвоил очень хорошо. Усвоил, как говорится, набивая шишки. Игнорируя возвышенно-вдохновенные приветствия своих хористов, руководитель начал инструктаж – какие тетради убираем сразу, какие просто откладываем на время, сколько раз в том или ином случае поём тропарь Пасхи и так далее. Времени давать «ЦУ» на службе не будет!

За восемь месяцев, проведённых в Нефтеозёрске, Соболев сумел от хрестоматийного «собрания поющих» вновь созданного хора добиться и достаточно выверенного строя, и довольно уравновешенного ансамбля, и «отчётливо выраженных нюансов». Но главное, люди обрели чудесное, возможное только лишь в коллективе, «чувство локтя». Маленьким ученикам Андрея из ДШИ ещё только предстояло ощутить это необыкновенное состояние, когда самые сложные в индивидуальном прочтении хоровые партии легко исполнялись «с листа» в хоре. Что же, сегодняшние дети почти всегда медленнее взрослых учатся совместной работе. И не мудрено, ведь на каждом образовательном углу только и слышишь слова о «воспитании лидера» и «ситуации успеха на уроке». Андрей, педагог почти с двадцатилетним стажем, считал, что умение подчиняться, не менее важно, чем жажда лидерства. Нет, он не призывал тупо исполнять приказы, но в своё время научился сам и учил других без эксцессов переносить более низкое по отношению к начальнику положение на служебной лестнице. В конце концов, если в той же армии все начнут стремиться в командиры, то боеспособность даже не упадёт – она исчезнет...

Истаивали последние минуты перед полунощницей. В переполненном храме явственно ощущалось напряжение ожидания. И вот из алтаря раздался возглас священника. Хор торжественно запел «Волною морскою» - ирмосы канона Великой Субботы. На девятой песни, ликуя, не пропели, а просто исторгли слова «Не рыдай Мене Мати, зрящи во гробе...». Батюшка совершил каждение Плащаницы, возложенной посреди храма, и, подняв её над головой, торжественно внёс в алтарь. В церкви наступила тишина. Вдруг из южных дверей алтаря выглянул отец Вячеслав. «Мужчины, войдите внутрь!»,- почти приказал он. Андрей и Дима поспешили за священником. Внутри алтаря было прохладно, изо рта шёл парок. «Помогите спеть «Воскресение Твое...»,- мягко, словно извиняясь за недавний командирский тон, попросил отец Вячеслав. «Там есть один ход. Сейчас покажу...». И сразу начал напевать, дирижируя, отклонение в параллельный мажор.

Отца Вячеслава Белогубова Андрей знал с девяносто седьмого года. Познакомились они в Ноябрьске, где поначалу пробовала «зацепиться» семья украинского мигранта. Священник и Соболев были коллегами. Именно отец Вячеслав, до того как отправиться на учёбу в Тобольскую семинарию, работал в Ноябрьской

школе искусств, куда в связи с отъездом семинариста на учёбу и пригласили нового хормейстера. Бывший преподаватель хорового класса вернулся в свой город иереем и определён был в приход храма Серафима Саровского. Там и познакомились. Очень скоро, в связи с нехваткой священников, отца Вячеслава благословили на окормление нефтеозёрского прихода. И началась его жизнь между двумя городами. Очень сетовал молодой священник, что нет в Нефтеозёрске хоть небольшого, но профессионально поющего хора. Радость же батюшки, узнавшего о переезде Андрея в соседний город, не знала границ. Пользуясь случаем, отец Вячеслав просил регента (а регентов, как и офицеров, бывших не бывает) собрать в Нефтеозёрске хор. Выполняя просьбу священника, и пётр Соболев из отпуска на своей спине неподъёмный груз богослужебного нотного обихода, понимая, что просьба Вячеслава равносильна благословию.

«Ну, всё. Пора!», - перекрестившись, сказал иерей. Андрей в алтаре задал тон, и мужской ансамбль мягко запел шестым гласом, увековеченным Чайковским в «Детском альбоме»: «Воскресение Твое, Христе Спа-се,/ ангели поют на небесех./ И нас на земли сподо-о-би/ чистым сер-дцем/ Те-е-бе-е сла-ви-ти». Песнопение звучало снова и снова, и каждый раз, пропевая тропарь, певцы усиливали звук. Когда распахнулись Царские врата, песнопение уже подхватили все присутствующие в храме. Возглавляемый отцом Вячеславом Крестный ход направился к выходу...

VII

Сколько раз Андрей служил Пасху в качестве регента хора, столько раз переживал и очень волновался. Тогда в девяносто втором полностью так и не успели подготовиться. Попросту не хватало нотного обихода. Нет, основные песнопения начинающему регенту дала Валентина Степановна – руководитель Троицкого архиерейского хора, чуть больше года назад взявшая его на работу. Книжки, которые на время получил начинающий регент, были изданы ещё в двадцатые годы в Пинске и размерами напоминали напестольное Евангелие. Всё, что было необходимо, Андрей перепечатал в ЦНТИ. Огромные нотные листы в хоре прозвали «простынями». С ними, из-за названия, и случился курьёз. Собираясь на очередную «подпольную» спевку, Санечка и Манечка Тарабукины вслух проговаривали список необходимых нот, которые нужно было взять с собой. Певчие часто брали партитуры домой - учить трудные места. Среди песнопений были и «простыни». «Так, Саша, быстренько возьми вон ту стопку нот и не забудь «простыни». Мы уже опаздываем!», - деловым тоном сказала Маша в присутствии старшей сестры, которая, разумеется, была «не в теме». Нина, актриса городского театра кукол, странно глянув на сестру, спросила: «Вы это там чем, ребята, занимаетесь?». Пришлось встревоженной родственнице объяснять происхождение термина «простыни». Всё утряслось, но опоздание на спевку в тот день стало неизбежным. Так что песнопения были, но Андрей столкнулся с проблемой – почти все певчие, будучи хорошими музыкантами, просто не умели петь без нот. Это умение необходимо при исполнении так называемых стихир и тропарей. Они традиционно поются в храмах просто «на глас». У церковных бабушек, поющих по многу лет на клиросе, эти самые «гласы» просто «отлетают от зубов». Да и другую музыку левый хор в храме почти не исполняет. В правом же хоре поют «нотники». Этот народ в церкви лишь подрабатывает и основная сфера их профессиональной деятельности светская. «Гласы» для распевания стихир, тропарей и кондаков (восемь, а в петербургском обиходе шестнадцать разных напевов) просто не

успевают откладываться в сознании до такой степени, чтобы распеть голый текст, лишь разбитый вертикальными чёрточками на музыкальные фразы. Выход один – всё сделать в привычном для профессионалов виде. Андрей писал ноты день и ночь, но катастрофически не успевал...

А новый коллектив, тем временем, «становился на ноги». Пришли, столь необходимые для настоящего хорового звучания, певчие. Сначала в хор влилась Наталья Вареник – лёгкое лирическое сопрано из Спасо-Преображенского храма. Переговоры с ней вёл сам отец Николай, служивший ранее именно в этом соборе. Вообще-то переход из одного церковного хора в другой был запрещён правящим архиереем, но молодой батюшка надеялся уговорить владыку дать благословение Наталье на смену места работы. Когда-то Андрей и Наташа учились на одном курсе. В «музылице», несмотря на прекрасные данные, девушка со смешной фамилией попала со второго захода. Комиссия на вступительных экзаменах не простила Наташке прибыльной эстрадно-вокальной деятельности в одном из городских ресторанов. Пришлось бросать «лабухов» и искать более скромную работу. Вторая попытка увенчалась успехом. Именно в год вторичного поступления Натальи, сдавал вступительные экзамены и выпускник восьмого класса Андрей Соболев. Абитуриентка-ветеран держалась особняком. Во-первых, свои попытки получить специальное образование она начала после десятого класса, и на три года была старше основной массы поступающих. Во-вторых, обжёгшись в первый раз, побаивалась, теперь уже бывшая, звезда ресторанной эстрады конкуренции. В тот год комиссия претензий к Наталье Анатольевне Вареник не имела, и с зачислением проблем не возникло. Училась Наташа легко, шутя выучивая программу по специальности и общему фортепиано. На занятиях по сольфеджио, пока группа, пыхтя, записывала очередной музыкальный диктант, Наталья, справившись с заданием с пяти проигрываний, тихо скучала или тайком от преподавателя помогала ребятам, поступившим в училище без начального музыкального образования. В их числе был и Андрей. Надо ли говорить, что относился пятнадцатилетний первокурсник к талантливой девушке с трепетом, свойственным человеку, остро осознающему своё невежество, перед высоким и совершенным знанием. К окончанию первого курса, с той же лёгкостью, как и училась, выскочила Наташка замуж за офицера-политработника и умчалась вслед за мужем потрясать подмости гарнизонной самодеятельности, а заодно, в связи с особенностями непростого характера, и основы семейно-брачных отношений советского офицерского корпуса. Недолгая жизнь замужем принесла неугомонной певице двоих детей и звучную фамилию мужа – Донская. Андрей, нужно сказать, слегка оробел, когда узнал о приходе Наташи в коллектив. С музучилищных лет привык смотреть он на неё «с низу вверх». Однако консерваторская закалка и природная самоирония, хоть и не сразу, помогли преодолеть этот «комплекс».

Вслед за Вареник-Донской в хор пришёл и её бывший воздыхатель, обаятельный, похожий на молодого хана Кончака, врач-терапевт Валера Друговской. Окончив московский медицинский институт, он не был профессиональным певцом. Однако все годы учёбы пел в московском хоре Молодёжи и студентов. Голос Валера имел замечательный. Его мощный бас стал настоящим фундаментом звучания формирующегося хора. В юности, развивая свои вокальные данные, студент Первого медицинского усвоил вальяжную артистическую манеру общения. Погромыхая в нижнем регистре, Валера, словно оперная звезда Большого театра, легко и непринуждённо мог обсуждать в большой октаве как последние новости спорта, так и

состояние здоровья очередного больного. Кстати, в таком голосовом режиме даже самый неутешительный диагноз вселял в пациентов поющего врача надежду на выздоровление.

Андрей мечтал о *divisi*, то есть о возможности разделения на самостоятельные партии, всех хоровых голосов. Жидковатое звучание он хотел замаскировать обертонами интервалов в каждом из голосов партитуры. И, если сопрано и басы, насчитывающие по два человека в партии, могли делиться, то с тенорами и альтами дело пока обстояло туго. Взвесив все «за» и «против», регент (он же преподаватель музыкального училища) решил пригласить на работу своего студента. Решающим стало то обстоятельство, что Саша Корзаченко, известный так же в своей среде под псевдонимами «Корзапян» и «Корзинкин», поступил в училище уже после армии. Андрей, сам успевший побывать и курсантом, и солдатом, надеялся, что работа в хоре не скажется роковым образом на успеваемости, прошедшего «школу жизни», первокурсника. Кстати, именно Саша смог заменить своего учителя за церковным пультом, когда, бог знает куда, умчался педагог в поисках лучшей доли. Так что вела студента в хор не воля регента, а сама судьба. Но судьба – судьбой, а воцерковить юношу было необходимо. Всё организовавший Андрей, до сих пор помнил первое причастие Александра. Он с хоров огромного Троицкого собора наблюдал, как худющий, длинноногий, с покатыми плечами, чуть нескладный и похожий на Железного дровосека из любимой сказки ученик подходил к Чаше. На самом деле полное воцерковление произошло намного позднее, но это был первый шаг и состоялся он благодаря Андрею. Может быть, потому и неизгладимо вошло это событие в память. С этой минуты Саша перестал быть просто одним из учеников, а стал, как это не высокопарно звучит, братом во Христе. Укомплектовав теноровую партию тётками (двумя Санечками), регент, уже особо не раздумывая, обратился к вчерашней студентке теоретического отделения Юле Гриц, в порядке исключения взятой в родное училище на работу сразу после выпуска. В ВУЗе училась Юля заочно и с энтузиазмом истинного музыканта-теоретика откликнулась на предложение познать русскую духовную музыку изнутри. И так, хор уже насчитывал восемь человек. По правде говоря, такое количество певчих хор ещё не составляют. Согласно науке, лишь двенадцать певцов образуют полноценный камерный хор (то есть по три человека в партии). Но Андрей надеялся потом, постепенно добрать людей, а пока репетиции становились всё чаще, а времени до Вербного воскресенья - даты освящения Казанского храма оставалось всё меньше. С тех пор и укоренилось в регентском сознании мнение, что Пасхи без ошибок не бывает, а волнение стало постоянным спутником пасхальных богослужений...

VIII

На крестный ход вышли почти все люди, собравшиеся в церкви. По правилам после пасхальной полунощницы храм должен остаться пустым. На короткое время церковь становилась Гробом Господним, а там никого, кроме Спасителя, быть не может. Правда правила формировались в тёплом климате Ближнего Востока и Причерноморья. На Севере Пасха часто только номинально весенний праздник. Андрей помнил, как, освящая на улице куличи и пасхи, батюшки, словно доспехами, грохотали облачением, замерзшим от попадающих на него капель святой воды. Мороз порой в пасхальную ночь стоял за двадцать градусов. Климат неумолимо вносит свои поправки даже в незыблемые церковные правила и обычаи. По этому регент с лёгким

сердцем оставил хор на клиросе, оберегая хрупкий певческий аппарат своих хористов. Хор ждал возвращения прихожан, готовясь встретить их громовым «Христос воскрес».

Вот из-за плотно закрытых дверей послышался знакомый напев пасхального тропаря. Один раз, второй, третий! И в храм вслед за отцом Вячеславом и хоругвеносцами, мгновенно заполнив помещение, с радостным, хотя и не очень стройным пением вошли люди. Улучив секунду, Андрей задал тон и уже хор запел мощно и вдохновенно: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав». Сопровождаемый пением священник, вошёл в алтарь. И сразу же, практически без паузы, началась утренняя. Певчие стали исполнять пасхальный канон.

Существует несколько музыкальных вариантов этого свода песнопений. Андрей предпочитал напев архимандрита Феофана, полный радостного ликования и какого-то мелодического очарования. По традиции каждый ирмос канона поётся дважды – в преддверии и после тропарей. Второе исполнение, называемое катавасией, обычно поют в партесном варианте. Почти во всех приходских храмах до недавнего времени в качестве катавасии звучали ирмосы Артемия Веделя. Андрею эти песнопения казались лучшим воплощением пасхальной радости. Правда, в Церкви вот уже несколько лет как возобновились споры о месте партесных произведений в богослужении. И священники и церковные хормейстера разделились на почти непримиримые партии «знаменщиков» и «партесников». Вслед за ними разделение прошло и через прихожан. Андрей в этих спорах не принимал участия. Его хохляцкая душа тяготела к музыке европейской школы, а консерваторски образованный ум склонялся к диатоническим гармониям произведений и обработок Кастальского, Кедрова, Соловьёва и Жаворонкова. Знаменное же пение просто не соотносилось с религиозным чувством регента. Не мудрствуя лукаво, он стал формировать обиход из песнопений разного стиля. Так сложились петербургские, синодальные и почти знаменные литургии и всенощные – на любой вкус. Пасха и Рождество для Андрея по ощущению были партесными праздниками, наполненными изысканным мелодизмом произведений Веделя и Бортнянского, Музыкаеску, Архангельского и Чеснокова.

Канон в пасхальную ночь – всегда настоящее испытание для певчих. Практически без пауз, почти за сорок минут необходимо пропеть «полтора гектара» текста. Пропеть в хорошем темпе, не ошибаясь и не «заглатывая» отдельные слова. А если ещё учесть постоянное чередование обиходного и партесного напевов, то станет понятно, почему всегда перед Пасхой так волнуются церковные регенты. К завершению утрени от Андрея и певчих буквально валил пар. Правда, на так называемых «хвалитных» стихирах пришло долгожданное второе дыхание. Ещё со времени служения в черниговском Казанском храме эти, казалось, простые песнопения вызывали в организме Соболева особую реакцию. Создавалось ощущение, что по венам и артериям текла уже не просто кровь, а пенящееся шампанское. И хотя впереди ещё была служба третьего и шестого часа, а так же Литургия, возникало предчувствие «великого перелома» в пасхальном богослужении.

В первый раз, правда, было не так. В ту уже далёкую ночь девяносто второго года, завершив утрени, Андрей с ужасом обнаружил, что партесный вариант пасхальных «часов» хор полностью не исполнит (не успели доучить!), а опыта пения на гласы почти ни у кого нет. До сих пор те «часы» остаются для Соболева тяжёлым «творческим» воспоминанием. Но, «глаза боятся, а руки делают». Преодолели с божьей помощью и «часы». «Реабилитируемся на Литургии», – сказал тогда Андрей

певчим и хор, как говорится, воспрял духом. Как же они тогда пели! Дежурившие у храма милиционеры, записали на плёнку почти все песнопения Литургии и, врубив запись через громкоговоритель, ещё час ездили по городу, удивляя необычными для милицейского «матюгальника» звуками редких утренних прохожих. А записывать стражам порядка было что - Литургия пелась не из лёгких. «Херувимская» Музыкаску, «Милость мира» Чайковского и «Ангел вопияше» Мусоргского могли украсить репертуар не только церковного, но и профессионального, концертирующего хора. Именно после завершения этой пасхальной ночи все почувствовали себя «коллективом единомышленников», настоящим хором. Освятив принесённые с собой продукты, все отправились, почти как к себе, на квартиру к Валере. Чувства неудобства из-за раннего визита никто не испытывал, так как накануне освящения храма почти все провели там не одну ночь, расписывая по партиям приносимые регентом партитуры. За накрытым столом ещё раз обсудили все детали пасхального богослужения и вспомнили, неизбежные в любом случае, смешные моменты. Сил на длительное застолье ни у кого не оставалось. Через полтора часа все разошлись по домам. Необходим был отдых. С вечера предстояло вновь выходить на службу, ведь всю Светлую седмицу, в церквях каждый день совершается по два праздничных богослужения – Литургия и всенощная...

IX

Пасхальная служба в храме маленького северного городка, тем временем, неудержимо и торжественно шла к своему завершению. Уже совершилось таинство Евхаристии и хор, словно свидетель событий двухтысячелетней давности, радостно воспел молящимся: «Ангел вопияше Благодатней: Чистая Дево радуйся, и паки реку: радуйся! Твой Сын воскресет тридневен от гроба, и мертвые воздвигнув, людие, веселитесь!». После причастна спели хоровой концерт Дегтярёва «Днесь всяка тварь», который учили почти всю зиму. Почему-то разучивание не очень сложного произведения давалось с трудом.

Андрей вообще заметил, что здесь, на новом витке его жизни, все творческие процессы происходили, как бы преодолевая сопротивление. Видимо аванс, данный Творцом в начале девяностых, заканчивался, и следовало более полагаться на свои силы, «закаляясь в битвах и в труде», как пелось в одной из старых советских песен. Соболев и закалялся в повседневной, и порой действительно напоминающей битву, педагогической работе. «Фронтной» оттенок труду придавало то обстоятельство, что опытный руководитель школы искусств Старченко Кира Лазаревна, не простив Андрею переквалификации ансамбля, а так же умения решительно, в некоторых случаях, говорить «нет», вела с преподавателем хорового класса «затяжные позиционные бои». Церковный хор тоже, хоть и собрался удивительно легко, не повторял «под копирку» ту Черниговскую «музыкальную историю» - и состав был не совсем полный, и тембральное звучание регенту пока не нравилось. Повторяя слова из песенки Айболита «это даже хорошо, что сейчас нам плохо», Андрей и его жена-создательница старались ситуацию воспринимать с юмором. Они понимали, что фактическая эмиграция - это «не фунт изюму», а значит необходимо запастись терпением. А главное верить в то, что все выпавшие испытания необходимы и посылны...

Исполнив запричастник (именно так правильно называется хоровой концерт в храме), певчие немного расслабились – главное испытание было позади. Молчавший

почти всю службу левый хор, давая отдохнуть «нотникам», взял инициативу в свои руки, и пока отец Вячеслав молился и причащался в алтаре, с воодушевлением хорошо отдохнувших людей безостановочно исполнял гласовые варианты пасхальных песнопений. Наконец распахнулись Царские врата и священник, выйдя с Чашей, произнёс: «Со страхом Божиим и верою приступите». Хор грянул «Христос воскрес» и все, кто готовился приступить к Святым и Животворящим Тайнам, выстроились в ожидании причастия. Желавших причаститься, неожиданно для Андрея, оказалось много. На Украине, как правило, в ночь на Пасху причащалось два-три человека, а здесь, на полярной окраине России, в очереди к Чаше, как и в дни Великого поста, стояло множество людей. «Тело Христово примите, Источника бессмертного вкусите», - попеременно пели оба хора. Каждый, подходя к Причастию, несмотря на почти четырёхчасовую накопившуюся усталость, как-то особенно светлел лицом. Андрей давно, ещё со времён службы в Черниговском Казанском храме, заметил это изменение облика причащающихся. «А ведь сейчас, пожалуй, в каждом проступает уже не лицо, а Лик...», - устало подумал регент, в очередной раз, задавая тон. Отец Вячеслав тем временем уже скрылся с Чашей в алтаре. «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!», - призывали славить Бога певчие. «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое!», - произнёс священник из алтаря. Хор ответил мощным «Христос воскрес». Теперь почти на каждый возглас иерея в ответ воодушевлённо звучал тропарь Пасхи, утверждая истину и радость «праздников Праздника». После отпуста хор многократно пропел «Христос воскрес», исполнив все имеющиеся варианты песнопения. Отец Вячеслав огласивши пасхальные послания Патриарха и правящего Архиерея, приступил к освящению принесённой в храм людьми пасхальной снеди.

«Ну вот, теперь и для нас «Христос воскрес!»», - устало произнёс регент, и с улыбкой сказав: «Приступайте!», сам начал христосоваться с певчими. Хористы, целуясь, улыбались, потому что с этим «приступайте» была связана одна из многих, рассказываемых Андреем для разрядки напряжения на репетициях, историй.

Привёз Соболев эту байку из города Ейска, где в памятном августе девяносто первого отдыхал с семьёй. Там, на побережье Азовского моря, очень скоро Андрей не только стал посещать богослужения тогда ещё единственного храма в городе, но и по приглашению тамошнего регента, быстро занял место в басовой партии. Настоятелем прихода был пожилой священник. Всё и всегда знающие певчие сказали новичку-гастролёру, что батюшка бывший офицер. Как-то после очередного венчания, где одновременно сочетались законным браком аж девять пар, выстроенные настоятелем в колонну по два, и чуть ли не строевым шагом ходившие вокруг аналоя, хористы рассказали Андрею историю о первой Пасхе в посткоммунистическом курортном городе. По словам очевидцев, после окончания Литургии настоятель командирским голосом сказал ещё не искущённым в церковной жизни прихожанам: «А сейчас будем христосоваться! Поскольку в храме сегодня женщин в три раза больше чем мужчин, каждому мужчине разрешается похристосоваться с тремя женщинами. Приступайте!». Нужно ли добавлять, что слова протоиерея вызвали «оживление в зале»? Вообще-то в церковной жизни часто встречаются смешные ситуации. Как говорится, всюду жизнь! Для Андрея все эти забавные истории были подтверждением живой сущности Православия - религии, которую многие уже хотели записать в экспонаты этнографического музея.

Пока народ под праздничный перезвон колоколов освящал куличи и пасхи, Андрей укладывал ноты в специально приготовленные папки. Многолетняя регентская практика приучила его, с детства разбрасывавшего игрушки и одежду, к

аккуратности. Сложная и продолжительная церковная служба должна идти как часы – без запинок и пауз, и тут неверно или не во время разложенные партии могли создать катастрофическую, ломающую весь чин богослужения, ситуацию.

Вернулся с улицы отец Вячеслав. Снимая сосульки с бороды и усов, священник подошёл к хору. «Христос воскрес!»,- громко сказал иерей. «Воистину воскрес!»,- дружно отвечали певчие. «Спаси вас Господи! Очень хорошо пели...», - поблагодарил всех отец Вячеслав. «Чья была херувимская?», - поинтересовался он. «Сергея Борисовича Толстокулакова», - отвечал Андрей. «Спасибо!»,- ещё раз сказал растроганный священник. Дело в том, что у Сергея Толстокулакова в бытность его преподавателем Тобольской Духовной семинарии учился вокалу сам отец Вячеслав, и сохранил о музыканте и композиторе самые тёплые воспоминания.

«Батюшка, освятите, пожалуйста, и наши «продуктовые наборы!»,- попросил регент от имени всех певчих. «Да, да. Сейчас...»,- спохватился отец Вячеслав и, окунув кропило в чашу с водой, щедрыми крестообразными взмахами совершил освящение нарядных куличей, разноцветных яиц, творожных пасок и ещё многих праздничных вкусностей, приготовленных неутомимыми женскими руками к пасхальному столу. Народу в храме оставалось всё меньше. словно жены-мироносицы, люди спешили разойтись в разные стороны, неся окружающим благую весть о воскресении Спасителя. «Ребята, поехали в старый храм разговляться!»,- пригласила хор, чем-то неуловимо похожая на известного тренера Тарасову, Раиса Семёновна – староста церковной общины. Певчие, не сговариваясь, начали благодарить и отказываться. Действительно, сил оставалось только чтобы дойти домой. «А сфотографироваться на память?»,- спросила староста-Тарасова. Для фотографирования силы нашлись...

Северная весенняя ночь была на исходе. Темнота, как старая ткань, истончаясь, пропускала свет ещё невидимого солнца. Над городком, не заглушаемый обычными дневными звуками городской жизни, плыл колокольный звон. Андрей и Ирина, не спеша, шли домой по пустынным, всё ещё заснеженным улицам. Говорить не хотелось. Обычно человек после важного события, словно герой актёра Смоктуновского из известного фильма, всё ещё находится во власти произошедшего. Соболев не был исключением. Но почему-то сегодня в сознании возникали не отголоски пасхальных песнопений, а один из псалмов, исполняемых на обычной воскресной Литургии. «Хвали, душе моя, Господа! Восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь.». Звучал псалом обычным обиходным напевом, но подъём в душе вызывал необычайный. «Дондеже есмь» - пока существую, а значит всегда. Трудно ли, легко ли, но всегда! Сколько ещё хоров придётся собрать, сколько раз переписать десятки партитур, делая новые аранжировки для разных составов, Андрей не знал. Не знал, но чувствовал, что этой трудной и радостной работы хватит до конца жизни. Дондеже есмь...

Словарь специфических терминов.

АУФТАКТ – замах, предварительный взмах, жест-импульс – специфический дирижёрский жест, предваряющий и организующий исполнение в плане темпа, ритма, динамики, штриха, начала и окончания фермат. В пении также – показ вдоха перед атакой звука. Ауфтакт – важнейшая составляющая дирижёрской техники.

ГЛАСЫ – в Православной Церкви восемь разделённых на музыкальные фразы напевов для исполнения стихир, тропарей, кондаков и ирмосов. Гласовое пение сложилось в первые века христианства, и представляет собой универсальную систему распевания любого текста без предварительной нотной записи. В России существует два варианта гласов – Петербургский и Синодальный (московский) обиходы. В петербургском обиходе использованы европейские (хроматические) приёмы гармонизации, а синодальный обиход применяет в основном диатонику, что придаёт напевам некую архаичность. Гласы меняются на богослужениях каждую неделю. Чтобы разнообразить музыкальную часть богослужения, в петербургском обиходе стихир и тропари поются на разные напевы. Стихирарное пение – это адаптированный знаменный распев, а тропари распевают староболгарским распевом.

ГОВЕНИЕ – пост, исповедь и причастие в период церковного поста накануне праздника или совершения таинства.

ДМШ – общепринятая аббревиатура детской музыкальной школы.

ДШИ - общепринятая аббревиатура детской школы искусств.

ИНТОНИРОВАНИЕ – осознанное воспроизведение музыкального звука голосом.

ИРМОСЫ – песнопения, предваряющие каждую из девяти песней канона. Как правило, в отличие от вычитываемых тропарей канона, ирмос поётся. В богослужбной практике праздничные ирмосы принято петь не на глас, а в композиторском (партесном) варианте.

ИНТЕРВАЛ – расстояние между двумя звуками. Каждый интервал в зависимости от величины имеет свою неповторимую окраску.

КАМЕРТОН – источник звука в виде металлической вилки, служащий эталоном высоты при настройке музыкальных инструментов и пении. Обычно используются камертоны в тоне *ля* I октавы и *до* II октавы. Наиболее употребим камертон *ля* (440 герц).

КАНОН – свод песнопений, особым образом раскрывающий смысл и содержание празднуемого события. Канон состоит из девяти песней, каждую из

которых предваряет *ирмос* (песнопение, задающее настроение и связанное не только с празднуемым событием, но и с каким-то эпизодом Священной истории).

КАТАВАСИЯ - ирмос, завершающий каждую песнь канона. Если на не совмещаются два праздника, то катавасией служит ирмос, предварявший песнь канона. По традиции, если позволяет состав хора, ирмос поётся на глас, а катавасия исполняется в партесном варианте.

ОБЕРТОНЫ – гармонические созвучия, частичные тоны, призвуки, входящие в состав основного тона, возникающие от колебания частей звучащего тела (струны, столба воздуха). Обертоны всегда выше основного тона и звучат значительно слабее, но образуют тот или иной *тембр* голоса или инструмента. Преобладание низких обертонов придаёт звучанию мягкость и полноту, а верхних – звонкость и резкость.

ОТПУСТ – заключающий богослужение возглас священника.

ПАРТЕСНОЕ ПЕНИЕ (от позднелатинского *partes* – голоса) – вид хорового пения, распространившегося в Русской Православной Церкви со второй половины XVII века. Основные отличительные черты партесного пения – многоголосие, преимущественно гармонического склада с разделением хора на постоянные группы голосов (хоровые партии) без инструментального сопровождения. Партесное пение возникло на Украине в начале XVII века. В современной богослужебной практике словом «партес» обозначают композиторскую церковную музыку, созданную в традиционной европейской гомофонно-гармонической фактуре.

ПАРЕМИИ – читаемые на предпраздничной вечерне фрагменты из Священного писания (обычно из Книги пророчеств), так или иначе связанные с празднуемым событием.

ПОЛУНОЩНИЦА – богослужение предваряющее основную службу, совершаемую в полночь. Обычно рассчитана полунощница ровно на пол часа и начинается в полночь. На сегодняшний день полунощница обязательно предваряет Рождественское, Крещенское и Пасхальное богослужения.

СТИХИРЫ – песнопения, раскрывающие *содержание* празднуемого в Церкви события. Стихиры обычно исполняются на глас во время вечерни и утрени. Для стихир Пасхи существуют особые напевы.

ТРОПАРИ – краткие песнопения, раскрывающие *смысл* празднуемого в Церкви события.

ЧАСЫ – в церковном суточном богослужебном круге особые службы, на которых вспоминаются те или иные события Евангелия. Согласно традиции, время в Церкви исчисляется как в ветхозаветные времена – с вечера. Существуют службы *первого* (после всенощного бдения), *третьего и шестого* (перед Литургией) *часа*. «Часы» обычно вычитываются.